

Искусство быть творцом

«Огонь Маныш-Сала», Шевченко, 1979, 27 марта

На экране голая заснеженная степь. Белый простор так безбрежен и пуст, что кажется, нет в нем места ничему живому. Но это обманчивое впечатление. Вы понимаете это, увидев фигуру человека. Одну, другую, третью. Степь постепенно оживает. Потом их называли покорителями целины, первопроходцами, этих людей, ожививших степь...

Кадр за кадром разворачиваются события фильма с ярким, символическим названием — «Вкус хлеба». Наверняка новоиспеченные обрадуются, узнав в одном из персонажей фильма своего земляка — Сарсенгалиева. Дело в том, что в этой новой картине, поставленной на киностудии «Мосфильм» режиссером А. Сахаровым и посвященной двадцатипятилетию казахстанской целины, занят в одной из ролей оператор нефтегазодобывающего управления «Узеннефть», руководитель народного театра Изделеу Сарсенгалиев.

В июне этого театру исполняется десять лет. Бессменным художественным руководителем и создателем его является оператор РИТС-З НГДУ «Узеннефть», студент пятого курса факультета театральной режиссуры Московского института культуры Изделеу Сарсенгалиев. В минувшем году за активное участие в дальнейшем развитии самодеятельного художественного творчества тружеников он был удостоен почетной грамоты ВЦСПС. Об этом инте-

ресном человеке, его театре, работе, учебе напишем рассказ.

...В знайные морозные дни 1969 года в крохотной комнатах Новоузенского городского отдела культуры появился невысокий, смуглолицый молодой человек.

— Пришел с вами посоветоваться, — сказал он. — Как вы считаете, нужен нашему городу театр или нет?

Заведующая отделом культуры улыбнулась:

— Конечно, нужен! Но не рановато ли говорить об этом? Тут хотя бы обыкновенную художественную самодеятельность организовать как следует. Специалистов — то не хватает! А вы, кстати, кем работаете?

— Я нефтяник.

— Нефтяник? Тогда причем здесь театр?

Настал черед улыбаться нежданному гостю:

— Как, причем? Я окончил театрально-режиссерский факультет Актюбинского межреспубликанского культпросветучилища, работал в Алма-Ате помощником режиссера республиканского театра имени Мухтара Ауэзова, затем заведующим труппой Гурьевского областного драматического театра, работал в областном управлении культуры.

Заведующая отделом культуры возмущенно проговорила:

— Простите, но вы изменили своей профессии! Почему вы не пришли сразу к нам?

...Изделеу не стал тогда вдаваться в подробности, почему он решил освоить еще и рабочую профессию, почему, по приезде на Манышлак, не пошел устраиваться на работу в отдел культуры или в какой-либо клуб. Он сказал просто:

— Нет, искусству я не изменил. Наоборот, я стал к нему еще ближе с той поры, как пришел на нефтепромысел.

Признаться, этот его

ответ в отделе культуры горисполкома мало удовлетворил. На него вначале смотрели здесь, как на чудака, который взваливает на себя груз каких-то ненужных забот. Но от его предложения — создать театр — все-таки не отмахнулись. Было объявлено о наборе в труппу. Изделеу волновался, что никто на него не откликается. Но волнения оказались напрасными. Первыми пришли записываться в труппу Сарсен Абатов (ныне машинист Узенского управления технологического транспорта № 2, оператор Кенжебек Кубласов, водитель Жексенби Конкаков, экономист Орысбай Тулесинов и другие). Забегая наперед, скажу, что именно эти энтузиасты самодеятельного художественного творчества и составили костяк будущего театрального коллектива.

Изделеу с головой ушел в работу. А если объективней — в две работы. Трудные вахты на нефтепромысле перемежались с хлопотами по дому, заботами о детях — их у него трое, с неустанными репетициями, чтением специальной литературы, многим другим. Было неслыханно порой и на душе, потому что некоторые товарищи в городе на его затее с театром смотрели недоверчиво, считая Сарсенгалиева «неудачником от искусства». Ибо зачем бы он «выкальвал» на этой трудной «нефтяной работе». Но разве мот он тогда объяснить кому-либо, что на эту самую неслыханную работу он пошел по совету своих больших друзей, в том числе по совету друга его семьи, молодого актера Ашимова, блестящие сыгравшего главные роли советских чекистов в фильмах «Конец атамана» и «Транссибирский экспресс». Ведь именно он, Ашимов, говорил своему товарищу, что поверхностное знание

жизни, обычая, труда людей приводит актера и режиссера к поверхностной работе над созданием образов этих людей. Сарсенгалиев не хотелось стать в искусстве ремесленником. После учебы в культпросветучилище и даже после работы в профессиональных театрах он все еще остро ощущал, как не хватает ему знаний жизни, которые не может дать человеку ни одно учебное заведение. И поэтому поехал с женой и малолетним сыном в этот жаркий и, казалось бы, неуютный город где бурно кипела рабочая, трудовая жизнь. Он стал нефтяником.

Театр начинался с нуля. И Изделеу приходил в смятение: его актеры, живые, улычивые, остроумные, неисполнительные люди в жизни, выходя на сцену во время репетиций, становились деревянными, робкими, скованными. Их пришлось учить с азов. Сценическому движению. Технике речи. Многому другому, без чего невозможен театр. И как обрадовался, когда Кенжебек и Жексенби вдруг «ожили» на сцене, а Орай грациозно и плавно становился довольно сложный национальный танец — искренне, от души, как в жизни.

С первой премьерой пришел успех, растаял лед недоверия к отношению к «режиссеру — нефтянику». Правда, его стали просить работать уже не на общесвенственных начальствах, а в должности режиссера, в штате отдела культуры. Но он от этих предложений отказался и продолжал работать «на два фронта».

В последующие годы их коллектив, который вырос до 40 с лишним исполнителей, поставил пьесы: Кошахмета Кеменгерова «Золотое кольцо», протестующей против пережитков прошлого в сознании людей, Анвара Калиева «Ты не одинок» — о сегодняш-
171

ней молодежи, о тех нравственных ценностях, которые должны сопутствовать ей на дальнем жизненном пути, Оразбека Бодыкова «Кинжал и донбра» — о становлении в Казахстане Советской власти, его же пьесы на эту же тему «Каракумская трагедия» и другие.

За постановку спектакля по пьесе «Кинжал и донбра» театру было присвоено высокое звание народного, и пришло признание, зрители полюбили свой театр, полюбили его актеров, беззаветно преданных высокому искусству сцены.

«В новой трехкомнатной квартире, куда переехала семья Сарсенгалиевых, мы с Изделеуом за столом и просматриваем фотографии, рекламные проспекты, письма, которые пишут его многочисленные друзья, он рассказывает мне о своей жизни, учебе, увлечениях. Почему поступил учиться в институт культуры? Ясно почему: стало не хватать профессиональных знаний. И вообще ему постоянно чего-нибудь не хватает, сейчас, например, времени. Так может пора оставить работу на нефтепромысле?

— Что вы, зачем бросать? Мечтаю снять фильм о нефтяниках, их нелегком благородном труде. А раз так, я должен быть вместе и рядом с ними.

«Я продолжаю перелистывать альбомы с фотографиями. Интереснейшие альбомы. В них — история народного казахского театра. В них — история жизни человека искусства, человека труда, нефтяника и режиссера Изделеу Сарсенгалиева.

И я думаю, о том, что не могу предугадать, как сложится дальнейшая жизнь Изделеуа. Но я твердо уверен в одном: где бы он ни трудился, он всегда будет верен своим друзьям — нефтяникам.

Л. ЮХНЕВИЧ.